

ПРИСЦИАН

ФРАГМЕНТЫ

1. ОТРЫВОК ИЗ ПОСВЯЩЕНИЯ КОНСУЛУ ЮЛИАНУ

[*Keil* 1855. 2.24 – 3.2] (Priscianus Caesariensis Grammaticus
Iuliano Consuli ac Patricio, 4)¹

Huius tamen operis te hortatorem sortius iudicem quoque facio, Iuliane consul ac patricie, cui summos dignitatis gradus summa adquisivit in omni studio ingenii claritudo, non tantum accipiens ab excelsis gradibus honorum pretii, quantum illis decoris addends tui, cuius mentem tam Homeri credo quam Virgilii anima constare, quorum uterque arcem possederat musicae, te tertium ex utroque compositum esse confirmans, quipped non minus Graecorum quam Latinorum in omni doctrinae genere praefulgentem, tibi ergo hoc opus devoveo, omnis eloquentiae praesul, ut quantamcumque mihi deus annuerit suscepti laboris gloriam, te comite quasi sole quodam dilucidius crescat.

Имея счастье твоей поддержки в этой работе, я сделал тебя также ее судьей, о, Юлиан, консул и патриций, который объединил самые высокие ранги государственной службы и интеллектуальные достижения в каждой отрасли исследований. Ты также получил признание за твои прежние правительственные назначения и добавил себе их почести. Твой ум, я считаю, весьма соответствует душе как Гомера, так и Вергилия, каждый из которых достиг вершин поэзии. Я уверен, что ты третий из живших, кто сочетал преимущества каждого из двух вышеупомянутых, так как ты просиял в каждом из родов обучения, не менее греков, нежели латинян. Поэтому я посвящаю это сочинение тебе, наш вождь всего красноречия, в надежде на то, что, независимо от славы, которую Бог дарует мне за труд,

---

¹ Здесь и далее в аналогичных местах первая цифра означает номер страницы в издании Кайля, вторая — номер строки. В круглых скобках дана традиционная нумерация по книгам и главам.

который я предпринял, он может засиять еще ярче с тобой, мой соратник и почти Солнце.

Эта часть сочинения Присциана, его самое начало, представляет собой достаточно грубое и сервильное посвящение Юлиану, консулу в Константинополе. Такой стиль был обычным для позднеантичной эпохи, особенно в отношении придворных кругов. Посвящение написано несколько гиперболизированной и пышной цicerоновой латынью, заметно отличаясь от более трудного стиля самой Грамматики. Далее следует оглавление, с кратким изложением предмета каждой из 18 книг.

Вполне ясно, что город Константинополь еще сохранил большую часть римской государственной системы как «Второй Рим», а правители и правящий слой того времени еще были латиноязычными, или, если они не владели латинским языком, то учили его, как и латинскую литературу, в качестве необходимой и важной предпосылки для социального продвижения наверх².

2. О СЛОВЕ И ПРЕДЛОЖЕНИИ

[Keil 1855: 53.8-12] (Inst. II, 14)

Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae: pars autem, quantum ad totum intellegendum, id est ad totius sensus intellectum; hoc autem ideo dictum est, ne quis conetur «vires» in duas partes divider, hoc est in «vi» et «res», vel quaedam huiusmodi, non enim ad totum intellegendum haec fit divisio.

Слово является минимальной частью конструкции предложения, то есть, единица, составленная (вместе с прочими) в надлежащем порядке. Это часть, поскольку она способствует пониманию целого (предложения), то есть, [даёт]³ полное ощущение понимания. Мы говорим об этом, чтобы никто не пытался разделить «vires»

---

² В комментариях использованы материалы Р. Робинса. См.: *Robins* (1993).

³ В квадратных скобках даны слова, необходимые для прояснения смысла.

(«сильные») на две части — то есть, на «vi» и «ges», или на что-то подобное. Такое разделение не способствует полному пониманию предложения.

3. О ПРЕДЛОЖЕНИИ

[*Keil* 1855: 53.28 – 54.2] (Inst. II, 15)

Oratio est ordinatio dictionum congrua, sententiam perfectam demonstrans, est autem haec definitio orationis eius, quae est generalis, id est quae in species sive partes dividitur, nam oratio dicitur etiam liber rhetoricus nec non unaquaeque dictio hoc saepe nomine nuncupatur, cum plenam ostendit sententiam, ut verba imperativa et responsiva, quae saepe una diction complentur, ut si dicam «quid est summum bonum in vita?» et respondeat quis «honestas», dico «bona oratione respondit».

Предложение образует правильную последовательность слов, устанавливающих законченную мысль. Но это определение предложения — общее, среди предложений можно выделить различные формы и детали. Говоря об *oratio* (предложении), мы должны обратиться к целой книге риторики, ведь одно слово часто образует целое предложение, когда оно обнаруживает полную мысль, как императивы и ответные формы, которые часто заполнены одним словом: если я скажу «quid est summum bonum in vita?» («что есть высшее благо в жизни?»), и кто-либо ответит: «honestas» («честность»), то я скажу: «bona oratione respondit» («он отвечает отличным предложением»).

Эти два пассажа можно сравнить с соответствующим разделом *Technè* Аполлония — разделом 11, к которому они, очевидно, восходят. Некоторые положения касаются основных единиц грамматики, изложенных здесь, хотя в большей степени — длины предложения. Присциан играет с двойным смыслом латинского слова *oratio*, имея в виду его смысл и как «речи», и как «предложения», в его обзоре в полном риторическом труде и в разделе об односложном предложении.

4. ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

[*Keil* 1855: 55.4 – 56.27] (Inst. II, 17-21)

Igitur non aliter possunt discerni a se partes orationis, nisi uniuscuiusque proprietates significationum attendamus.

Proprium est nominis substantiam et qualitatem significare. Hoc habet etiam appellatio et vocabulum: ergo tria una pars est orationis.

Proprium est verbi actionem sive passionem sive utrumque cum modis et formis et temporibus sine casu significare. Hoc habent etiam infinita, quare non sunt separanda a verbo. Participium autem iure separatur a verbo, quod et casus habet, quibus caret verbum, et genera ad similitudinem nominum, nec modos habet, quos continent verbum.

Proprium est pro aliquo nomine proprio poni et certas significare personas. Ergo «quis» et «qui» et «qualis» et «talis» et «quantus» et «tantus» et similia, quaesunt «infinita» sive «interrogativa» vel «elativa» vel «redditiva», magis nomina sunt appellanda quam pronomina: neque enim loco priorum nominum ponuntur neque certas significant personas, sed etiam substantiam, quamvis infinitam, et qualitatem, quamvis generalem, quod est suum nominis, habent: nomina sunt igitur dicenda, quamvis declinationem pronominum habeant quaedam ex eis. Non enim declination, sed vis et significatio uniuscuiusque partis est contemplanda: indifferenter enim multa et nomina modo pronominum et pronominal modo nominum invenimus declinata. Quid enim stultius quam omnia, quae numeros significant, nomina dicere, unum autem, «unus unius», propter declinationem pronomem appellare? Quod si declinatio facit indicium, quails sit diction, debent omnia possessiva pronomina, quia nominum declinationem sequuntur, et participial in his computari, quod omnino caret ratione. Ergo non declinatio, sed proprietas est excutienda significationis.

Et quoniam de proprietate nominis et verbi et participii et pronominis breviter dictum est, non incongruum esse arbitror, summatum de ceterarum quoque proprietate partium orationis percurrere.

Proprium est adverbii cum verbo poni nec sine eo perfectam significationem posse habere, ut «bene facio», «docte lego». Hoc ergo inter adverbium et praepositionem est, quod adverbium et sine casualibus

potest praeponi et postpone verbis et cum casualibus, ut «pone currit» et «currit pone», «venit tempore longo post» et «post longo tempore venit». Terentius in *Adelphis*:

post faceret tamen.

Si igitur invenias cum nomine adverbium sine verbo, scias hoc per ellipsin fieri, ut si dicam «non bonus homo» pro «malus», subaudio «est».

Praepositionis autem proprium est separatim quidem per appositionem casualibus praeponi, ut «de rege», «apud amicum», coniunctim vero per compositionem tam cum habentibus casus quam cum non habentibus, ut «indoctus», «interritus», «proconsul», «induco», «inspiciens».

Proprium est coniunctionis diversa nomina vel quascumque dictiones casuales vel diversa coniungere, ut «et Terentius et Cicero», «vel Terentius vel Cicero»; «et formosus et sapiens», «vel formosus vel sapiens»; «et legens et scribens», «vel legens vel scribens»; «et ego et tu», «vel ego vel tu»; «et facio et dico», «vel facio vel dico»; «et bene et celeriter», «vel bene vel celeriter»; quod praepositio non facit. Interest autem etiam hoc, quod praepositiones componi possunt cum verbis, coniunctio vero numquam, ut «subtraho», «addico», «praepono», «produco», «dehortor», coniunctio autem, licet sit praepositiva, in compositione tamen non invenitur cum verbis, ut «at», «ast», «sed», et quod praepositio casualibus separate praepositur semper, coniunctio vero omnibus potest dictionibus modo praeposita modo postposita coniungi.

Есть и другой способ разграничения частей речи (классов слов), который обращает внимание на семантические свойства каждого из них.

Отличительное свойство имени [существительного] состоит в обозначении [сущности и] качества. В общем одушевленные и неодушевленные имена [существительные] обладают этим свойством, и поэтому все три являются одной частью речи.

Отличительным свойством глагола является обозначение деятельности или оказания воздействия, или их обоих. Глаголы имеют наклонения, [морфологически различные формы], и времена, но без [возможности] обозначения падежа. Эти свойства также применимы и к инфинитивам, поэтому они не должны быть отделяемы от глаголов. Причастие, однако, справедливо отделяется от глагола, поскольку

ку оно имеет падеж, которого глагол не имеет, а также род, подобно именам [существительным]; и не имеет наклонений, присущих глаголам.

Свойство местоимения — возможность замены на имя собственное и обращение к конкретным лицам. По этой причине *quis* («кто») и *qui* («кто»), *quails* («какого типа?» «какого типа») и *talis* («в этом роде»), *quantus* («как много? как много») и *tantus* («так много»), и т.п., которые являются неопределенными или вопросительными, или относительными, или демонстративными, следует называть именами [существительными] в большей степени, нежели местоимениями, так как они не используются вместо имен собственных, и не означают конкретных лиц; но они обозначают сущность, однако неопределенную, и качество, однако общее, что является свойством имен [существительных]. Поэтому они должны быть названы именами [существительными], хотя некоторые из них имеют местоименные флексии. Ибо мы должны рассматривать не склонения, но, скорее, силу и значение каждой части речи. Мы находим много примеров имен [существительных], склоняющихся как местоимения, и местоимений, склоняющихся как имена [существительные]. Что может быть нелепее, нежели назвать все слова, обозначающие числа имен [существительных], лишь за одним исключением, *unus, unus* («один»), местоимениями, на основании [лишь] их склонений? Если склонение соответствует критерию класса, к которому принадлежит слово, все притяжательные местоимения, которые следуют склонению имени [существительного], наряду с учитываемыми здесь причастиями, должны быть причислены к именам [существительным], несмотря на отсутствие [иных] причин. Поэтому не склонение, но семантические свойства должны обозначаться [в первую очередь].

Поскольку мы кратко коснулись свойств имени [существительного], глагола, причастия и местоимения, я думаю, что не было бы неуместно [кратко] пробежать по свойствам других частей речи.

Отличительное свойство наречия состоит в конструкции с глаголом, и не может иметь полного смысла без этого: например, *bene facio* («Я делаю хорошо»), *docte lego* («Я читаю со знанием»). Что отличает наречия и предлоги, так это то, что наречия могут предшествовать или следовать глаголам по делу или без дела склоняемыми

словами, как в выражениях *pone currit* («позади бежит он») и *currit pono* («он бежит позади»), и *venit tempore longo post* («он пришел много времени спустя») и *post longo tempore venit* («долгое время спустя он пришел»).

Теренций в «Братьях» (1.2.30) пишет *post faceret tamen* («после того, еще»). Так что, если вы найдете наречие с именем [существительным], но без глагола, вы будете знать, что это происходит из-за эллипсиса: если я говорю *non bonus homo* («нехороший человек») в смысле *malus (homo)* («плохой человек»), вы поймете, что там есть *est* («есть») (*non est bonus homo*).

Отличительное свойство предлога — предшествовать словам с изменяющимися падежными окончаниями, например «о царе», «с другом», но иногда они сливаются как со словами с изменяемыми падежными окончаниями, так и со словами с неизменяемыми падежными окончаниями, например *indoctus* («неученый»), *interritus* («неустрашимый»), *intercurro* («бегущий между»), *proconsul* («на месте консула»), *induco* («привожу») и *inspiciens* («глядя в»).

Отличительное свойство союзов заключается в том, чтобы присоединиться к различным именам [существительным] или любым другим тематически склоняемым словам или разным глаголам и наречиям, например, *et Terentius et Cicero* («и Теренций, и Цицерон»), *vel Terentius vel Cicero* («или Теренций, или Цицерон»), *et formosus et sapiens* («и красивый, и мудрый»), *vel formosus et sapiens* («или красивый, или мудрый»), *et legens et scribens* («и читающий, и пишущий»), *vel legens vel scribens* («либо читающий, либо пишущий»), *et ego et tu* («и я, и ты»), *vel ego vel tu* («или я, или ты»), *et facio et dico* («я как делаю, так и говорю»), *vel facio vel dico* («либо я делаю, либо я говорю»), *et bene et celeriter* («и хорошо, и быстро»), *vel bene vel celeriter* («либо хорошо, либо быстро»). Предлог не может сделать [такого]. Но здесь также важно, что предлоги могут сливаться с глаголами, с которыми не может быть союзов, как в *subtraho* («убрать»), *addico* («наградить»), *praepono* («предложить»), *produco* («производить»), *dehortor* («отговаривать»). Союз, хотя и может предшествовать глаголу, с глаголами не сочетается; например: *at, ast, sed* («но»). И [кроме того], предлог, стоящий с отдель-

ными⁴ падежами, всегда им предшествует, союз же может сочетаться со всеми классами слов, как предшествуя им, так и следуя после.

Перечень свойств отдельных частей речи показывает больше факторов и акцентов в классификации слов, нежели в *Techne*. Мы видим в этом отрывке подробное распределение слов между именем существительным и местоимениями. Это согласуется с учением учителя Присциана — Аполлония (О местоимении 85а): «Слова распределяются на классы слов не по их флективным формам, но по их значениям». Когда каждая часть речи характеризуется с точки зрения определений длины, то понятия приведены в гораздо более формальных терминах, и зачастую перед нами — почти перевод соответствующих определений в *Techne*⁵.

Непреодоляющая важность склонений и падежей как *fundamentum divisionis* (основного разделения) между частями речи обязательна для Присциана, как это было обязательно и для автора *Techne*, как и признание причастия отдельной частью речи (отдел 15).

Существуют некоторые разногласия среди авторитетных грамматиков о разнице между *appellatio* и *vocabulum*, хотя все признают и то, и другое нарицательными, отличными от имен собственных. Некоторые делают различие между абстрактным (*appellatio*) и конкретным (*vocabulum*), тогда как прочие считают основным отличием между *appellatio* как одушевленным и *vocabulum* как неодушевленным⁶.

В ходе рассмотрения вопроса о членстве класса имен существительных, как и в других своих работах, Присциан относит относительные и вопросительные местоимения (в современной терминологии) к классу имен существительных, хотя он признает, что некоторые латинские грамматикимели другую точку зрения, помещая их среди местоимений⁷, например, грамматик IV в. Проб⁸. Он рассматривает данный вопрос довольно подробно. Проб столкнулся с четкой морфологической разницей между греческим относительным местоимением, которое склоняется как определенный ар-

⁴ Косвенными.

⁵ См. *Keil* 1855: 369.2-3: “Verbum est pars orationis cum temporibus et modis, sine casu, agendi vel patiendi significativum” («Глагол является частью речи с временами и наклонениями, но без падежей, обозначающей действие или оказываемое воздействие»).

⁶ Ср.: *Keil* 1859: 320.14-24; 533.22-27; 1864: 373.5.

⁷ Ср.: *Keil* 1855: 61.9-20.

⁸ *Keil* 1864: 133.14 – 136.18.

тикль и рассматривается как «постпозитивный артикль» (*Techne*, отдел 16) и латинским относительным местоимением, склоняющимся как вопросительные местоимения; и, конечно, как он неоднократно указывает, в латинском языке не было определенных артиклей (например: *Keil* 1859: 11.25: *articulum Romani non habent* [«артиклею римляне не имеют»]). Аполлоний изложил достаточно полный свод относительных конструкций со ссылкой на «постпозитивный артикль», *hos, he, ho, etc.*⁹; Присциан пишет меньше на эту тему, его основные утверждения находятся в синтаксических главах¹⁰.

Подклассы имен существительных следуют в общем их латинском использовании: *quis* и *qui* неопределенны в таких конструкциях как *si quis ...* («если кто-то ...»), далее следует глагол; *qui*, как в *qui color* («какой цвет?»), используется как вопросительное прилагательное (в современных терминах; греческие и латинские грамматики включали прилагательное в класс имен существительных).

Присциан использует термин *relativum* («относительное») довольно широко. В некоторых пассажах это ясно видно в переводе¹¹ *Virgilius, cui Gloria contigit* («Вергилий, чья слава прошла»; (129.6) *quis scripsit bucolica? Qui etiam georgica* («кто написал Эклоги? Он также написал Георгики»). Но в некоторых других пассажах *relativum* используется почти наравне с *redditivum*.¹² *autos* («он сам») (греч.), *quod est pronomen relativum* («что является относительным местоимением»);¹³ *relative quidem sunt «ipse» vel «is» vel «sui»* («также относительно *ipse* («сам»), *is* («он, один»), или *sui* («самого»))¹⁴. В ходе специального рассмотрения вопроса о склонении местоимения до него, он подчеркивал особую роль латыни (например, *ille* («он, один»), gen. *illius*, dat. *illi*, по сравнению с *servus* («раб»), gen. *servi*, dat. *servo*).

Относительно наречий Присциан следовал установлениям *Techne*, что они используются только в синтаксической конструкции с глаголами, хотя латинские конструкции с другими словами классифицируются так же регулярно, как и в греческом языке. Синтаксические примеры эллипсиса довольно темны, хотя их смысл достаточно ясен: предположительно, *non bonus homo* («нехороший человек») следует понимать как *non est bonus homo* («не есть хороший человек»).

⁹ См.: *Uhlig* 1910. P. 116-128; *Householder* (тр., 1981). P. 79-87.

¹⁰ *Keil* 1859: 127.12 – 128.15.

¹¹ *Keil* 1859: 128.1.

¹² *Keil* 1859: 125.1.

¹³ *Keil* 1859: 142.28-29.

¹⁴ Ср.: *Keil* 1855: 578.12, 23.

О предложениях также Присциан в основном следует *Techne*, даже касательно отрицательной приставки *in-* как усиление предложения¹⁵, несмотря на существование в латинском языке однозвучных *invisus* («невидимый») и *invisus* («смотреть искоса, ненавидеть»). Без сомнения, довольно длинный перечень различий между предложениями и союзами связан с выделением стойками одного из них в отдельный класс.

5. О МЕЖДОМЕТИИ De interiectione

[Keil 1859: 90.6-15] (Inst. XV, 40)

Interiectionem Graeci inter adverbia ponunt, quoniam haec quoque vel audiuntur verbis vel verba ei subaudiuntur, ut si dicam «*papae*, quid video?», vel per se «*papae*», etiamsi non addatur «*miror*», habet in se ipsius verbi significationem. Quae res maxime fecit, Romanarum atrium scriptores separatim hanc partem ab adverbis accipere, qua videtur affectum habere in se verbi et plenam motus animi significationem, etiamsi non addatur verbum, demonstrare. Interiectio tamen non solum quem dicunt Graeci *σχηλιασμόν* significant, sed etiam voces, quae cuiuscumque passionis animi pulsu per exclamationem intericiuntur. Habent igitur diversas significationes: gaudii, ut «*euax*»; doloris, ut «*ei*».

Греки класс междометий располагали между наречиями, так как они также либо сочетаются с глаголами, или глаголы понимаются в сочетании с ними. Если мы говорим *papae, quid video?* («О, Боже! Что я вижу?») или *papae* («Боже!») сами по себе, то здесь такой глагол как *miror* («думаю») и не добавляется, он подразумевается. Некоторые авторы латинских грамматик брали такие слова как отдельные от наречий, потому что они видели, что они имели в себе силу глаголов, и для обозначения полной душевной привязанности использовались даже без добавления глагола.

Но междометия — это не только то, что греки называли *scheliasmon* («возмущаться жалобой»), но также включали выраже-

---

¹⁵ Ср.: Keil 1859: 164. 10-11.

ния, которые могли быть восклицательными междометиями как импульсом любого душевного опыта. Междометия, следовательно, имеют различные значения: или радость, как *euax* («ура!») или горе, как *ei* («уввы»).

Пока, как мы знаем, первым латинским грамматиком, который рассматривал междометия как отдельный класс слов, был Коминиан, а затем Реммий Палемон¹⁶. Таким образом, греческое количество классов слов 8 сохранилось в латыни в отсутствие определенного артикля и перераспределения роли относительного местоимения. Наблюдение Присциана о том, что греки считали только пейоративные формы, вводит в заблуждение. Формы, которые классифицируются как междометия в латинской грамматике, распределены среди многих подклассов наречий в разделе 19 *Techne*.

6. ПОРЯДОК БУКВ, СЛОГОВ, СЛОВ

[Keil 1859: 108.5 – 109.7] (Inst. XVII, 2-5)

In supra dictis igitur de singulis vocibus dictionum, ut poscebat earum ratio, tractavimus; nunc autem dicemus de ordinatione earum, quae solet neri ad constructionis perfectae, quam admodum necessariam expositionem omnium diligentissime debemus inquirere, quod, quemadmodum literae apte coeuntes faciunt syllabas et syllabae dictiones, sic et dictiones orationem. Hoc enim etiam de tradita ratio demonstravit, quae bene dicuntur ab Apollonio prima materies vocis esse humanae individual. Ea enim non quocumque modo ostendit fieri literarum, sed per aptissimam ordinationem, unde et «literas» verisimiliter dicunt appellari, quasi «legiteras», quod legendi iter praebeant ordine congruo positae. Nec non etiam auctores literis syllabae idem recipiunt, cum ex eis coeuntes iuncturae pro debito dictionem perficiunt. Igitur perficiunt. Igitur manifestum, quod consequens est, ut etiam dictiones, cum partes sint per constructionem perfectae orationis, id est του κατα σύνταξιν αυτοτελούς

¹⁶ Keil 1859: 238.19-25: “Nihil docibile habent, значительное tamen adfectum Animi” («Они не имеют определенного смысла, но они указывают на состояние ума»).

λόγου, aptam structuram [id est ordinationem] recipiant: quod enim ex singulis dictionibus paratur sensibile [id est intellegibile], quodammodo elementum est orationis perfectae, et quomodo elementa cuncturis syllabas efficient suis, sic etiam ordinatio intellegibilium imaginem quondam syllabae perficit adiunctione dictionum. Est enim oratio comprehensio dictionum aptissime ordinarum, quomodo syllaba comprehensio literarum aptissime coniunctarum; et quomodo ex syllabarum coniunctione dictionum, sic etiam ex dictionum coniunctione perfecta oratio constat.

Possumus autem ex accidentium quoque similitudine hoc contemplari.

Bis idem elementum accipitur, ut «reliquias, redo», sed etiam syllaba, «Leleges, tutudi, peperit», similiter et diction, ut:

Me, me — adsum qui feci.

На предыдущих страницах мы имели дело с отдельными формами слов, как это было необходимо. Теперь мы будем говорить об их упорядочении в строки, что делается для того, чтобы построить законченное предложение. Это мы должны изучить очень тщательно, поскольку это жизненно необходимо для объяснения литературных текстов авторов. Так же, как буквы, правильно соединяясь, образуют слоги, а слоги составляют слова, так и слова составляют предложения.

Это было показано в случаях с буквами в сочинениях, которые дошли до нас. Аполлоном впервые было хорошо сказано, что буквы — это первичный материал индивидуальной человеческой речи. Это показывает нам, что мы не можем писать письма, объединив буквы в любом порядке, но только через последовательности, сформированные особым образом. Вот почему *litteras* («буквы») справедливо так именуется, как если бы они были *legiteras* («читаемые тропы»), потому что они показывают нам пути, вслед которым нам следует читать, так как они размещены в упорядоченных последовательностях.

Более того, слоги большего размера, чем буквы, обрабатываются таким образом, что их комбинации правильно наполняют слова. Поэтому очевидно, что в результате слова, которые, в свою очередь, являются компонентами полных предложений, должны быть составлены в хорошо сформированные структуры (или упорядоче-

ния). Очевидно, что нечто понятное в отдельных словах, есть в некотором порядке составленные буквы, которые производят слоги и их комбинации, и это тоже дает упорядочение смысла, производящее впечатление какого-то (осмысленного) слога через строки слов. Предложение является унификацией правильно составленных слов, так как слог является унификацией соединенных букв, и так как слово состоит из соединенных слогов, это тоже делает полное предложение состоящим из соединенных слов.

Мы можем также посмотреть на это в свете рассмотрения таких форм. Составные слова могут иметь один и тот же повторяющийся слог, как у *reliquias* («остатки»), *reddo* («возврат»), но также могут включать повторяющийся в одном слове слог, *Leleges* («лелеги — пеласгическое племя»), *tutudi* («я ударил»), и *peperi* («я родился»); также может повторяться и все слово: *Me, me — adsum qui feci* («Меня, меня, кто сделал»).

Аналогом порядка букв и слогов с синтаксическим порядком слов в предложении стал греческий язык. В нем это было оформлено в начале первой книги о синтаксисе Аполлония. Если сравнить эти два отрывка, то будет очевидно, что Присциан переводит почти слово в слово греческий текст Аполлония с заменой примеров на латинские.

Litera «буква» используется одновременно как минимальная единица или элемент и разговорного, и письменного латинского, каковой была *gramma* по-гречески (см. *Techne* раздел 6). Объяснение «этимологии» является типичным путем, которым этимология понималась в древности, в результате чего смысл более сложного слова должен был словно «разворачиваться» в его предполагаемых установлениях, лежащих в основе слов (ср. Комментарий в разделе 1 *Techne*). И Аполлоний, и Присциан устанавливают отношения между буквами, слогами, словами и предложениями в качестве единиц размера, а не как отдельных уровней фонологии, с одной стороны, и в морфологии и синтаксисе, с другой.

Пример повторяющихся слов взят из Вергилия (*Aeneid.* 9.47): *Me, me, adsum qui feci, in me convertite ferrum, O Rutuli ...* «На меня, на меня, кто сделал дело, обратите свои мечи, рутулы».

7. О СИНТАКСИСЕ

[Keil 1859: 116.5-19] (Inst. XVII, 12-13)

Sicut igitur apta ordinatione perfecta redditur oratio, sic ordinatione apta traditae sunt a doctissimis atrium scriptoribus partes orationis, cum primo loco nomen, secundo verbum posuerunt, quippe cum nulla oratio sine iis completur, quod licet ostendere a constractione, quae continet paene omnes partes orationis. A sua si tollas nomen aut verbum, imperfecta fit oratio; sin autem cetera subtrahas Omnia, non necesse est orationem deficere, ut si dicas: «idem homo lapsus heu hodie concidit», en omnes insunt partes orationis absque coniunctione, quae si addatur, aliam orationem exigit, ergo si tollas nomen aut verbum, deficient oratio, desiderans vel nomen vel verbum, ut si dicam «idem lapsus heu hodie concidit» vel «idem homo lapsus heu hodie»; sin subtrahas adverbium, non omnio deficient oratio, ut «idem homo lapsus heu concidit», nec non etiam participium si adimas, neque sic deficient, ut: «idem homo heu hodie concidit», nec si praepositionem et interiectionem: «idem homo cecidit», nec si etiam pronomen: «homo cecidit».

Как и полностью составленные предложения как результат правильного расположения слов, мы вынесли сюда грамматики наших учнейших писателей относительно частей речи в правильном порядке. Они поместили имя [существительное] первым, а глагол — вторым, так как без этих двух полное предложение не может быть составлено.

Это может быть показано на примере конструкции, содержащей в предложении почти все различные части речи. Если убрать имя [существительное] или глагол, то предложение будет составлено не очень хорошо, но если вы уберете все остальные части предложения, то оно не обязательно будет неисправным.

Если вы скажете: «Тот человек, который поскользнулся, увы, сегодня упал», то увидите, что здесь имеются все части речи, исключая союз, который понадобился бы в других предложениях, если бы они были добавлены. Итак, если вы исключите имя [существительное] или глагол, предложение будет дефектным из-за их отсутствия, как если бы я сказал: «Тот человек, который поскользнулся, увы сегодня». Но если вы удалите наречие, предложение ни в

кчем случае не будет дефектным, как «Тот человек, который поскользнулся, увы, упал»; также не будет дефектным, если вы удалите причастие, как в предложении «Тот же самый человек, увы, упал»; и то же самое относится к предлогу и междометию: «Некий человек упал»; предложение не будет неисправным, если вы удалите и местоимение: «Человек упал».

Этот отрывок, тоже тщательно следует за соответствующим отрывком Аполлония¹⁷, и в соответствии с его утверждением, что все другие части речи синтаксически относятся к имени существительному или глаголу¹⁸, и это следует оригинальному платоновскому разделению *logos* «предложения» на субстантивные фразы (NP) (*onoma* «имя» или «субъект») и глагольные фразы (VP) (*rhema* «что сказано об этом» или «предикат»).

Ordinatio «упорядочение или договоренность» здесь относится не просто к линейному порядку слов, что по-латыни может существенно отличаться для стилистических соображений, не затрагивая синтаксической структуры предложения, но и к их иерархической упорядоченности в терминах возможного построения. Эта более полно выражено со ссылкой на греческого автора Григория Коринфского¹⁹.

Idem («то же самое») считается местоимением²⁰, и приставка *con-* в слове *concidit* принимается в качестве совместной формы свободного предлога, как *cum* «с». Чуть дальше²¹ следуют предложения, содержащие один глагол, являются довольно распространенным в таком языке, как латынь, объясняя «понимание» из номинативного субъекта, в случае безличных глаголов, как *fulminat* «сверкает» и *tonat* «гремит», подразумевая, что в роли подлежащего выступает Юпитер.

¹⁷ Uhlig 1910. 14.4 – 18.4; *Householder* (tr., 1981). P. 23-24.

¹⁸ *Householder* (tr., 1981). P. 30. Cp. P. 59-60.

¹⁹ См. о нем: *Robins* (1993). P. 169-170.

²⁰ Cp.: *Keil* 1855: 589.14.

²¹ *Keil* 1859: 116.27 – 117.4.

8. О ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ

[Keil 1859: 212.27 – 213.12] (Inst. XVIII. 9-10)

Verba quoque transitiva similiter variis solent casibus coniungi, ut «miles eget imperatoris; Aeneas praemia donat Euryalo; Plato erudit Aristotelen; Cicero potitur laude». Quomodo autem nominativus obliquis apte possit construi, quantum ratione potui comprehendere docebo, quos tamen etiam flexus sibi defendit, ut «Aeneas rex Trojanorum; Aeneae regis Trojanorum; Aeneae regi Trojanorum»; sic per reliquos casus quoque.

Nominativus igitur [casus nominum] genetivo adiungitur, quando possessio aliqua et possessor significatur. Et nominativo quidem possessionem, genetivo autem possessorem proferimus, ut «Hector filius Priami; Davus servus Simonis; Aeneas rex Trojanorum; Patroclus amicus Achillis; patronus Verris Hortensius». Quae sic interpretatur, ut, adiuncto verbo possessionem significante, possessio quidem mutet nominativum in accusativum, possessor vero genetivum in nominativum, verbi huius natura hoc exigente, ut intransitive quidem nominativum, transitive vero accusativum exigat; «quid est enim Hector filius Priami?» interpretantes dicimus: «hoc est «Hectorem filium Priamus possidet» vel «habet».

Переходные глаголы могут подобным образом быть поставлены в различных падежах, например «Солдату нужен полководец» (родительный), «Эней вручает награду Эвриалу» (дательный), «Платон учит Аристотеля» (винительный), «Цицерон заслуживает похвалы» (творительный).

Я изложил правила построения правильных именных форм падежей с косвенными падежами, которые формально поддерживаются их склонениями, насколько я был в состоянии понять их систематически. Примеры: «Эней, царь троянцев», «Энея, царя троянцев», «Энею, царю троянцев», и так далее для остальных косвенных падежей.

Именительный сочетается с родительным падежом, когда обозначается владение и обладатель. И мы обозначаем обладание именительным падежом, а владельца — родительным, как в предложениях «Гектор, сын Приама»; «Дав, раб Симона», «Эней, царь троянцев»; «Патрокл, друг Ахилла»; «Гортензий, покровитель Верреса».

Эти фразы интерпретируются в том смысле, что с помощью глагола, означающего владение, обладание превращает именитель-

ный падеж в винительный, а владелец превращает родительный падеж в именительный, поскольку присущие глаголу особенности требуют, чтобы он принимал именительный падеж непереходно, а винительный переходно. «Что такое “Гектор, сын Приама?” Интерпретируя эту фразу, мы говорим: “Это «Приам обладает сыном, Гектором (т.е. имеет его)”».

Этот отрывок иллюстрирует использование Присцианом переходных и непереходных глаголов в синтаксисе. Переходность относится к отдельным компонентам в предложении, и есть непереходное отношение между субъектом и переходным глаголом, как и между субъектом и непереходным глаголом (Присциан, конечно, никогда не сталкивался с проблемами, связанными с эргативными конструкциями, которым так много внимания уделяется сегодня, в которых субъекты непереходных и переходных глаголов в разных случаях по-разному строятся).

Это восходит к использованию Аполлонием *metabasis* и *diabasis* [движение вдоль], анализирующего значение переходных глаголов, как с участием некоторых действий «в обход» субъекта в качестве агента, к объекту в качестве получателя, что грубо иллюстрируется такими глаголами, как «вырезать» и «бить», а затем распространяется на все глаголы, принимающие объект в косвенный падеж²². У непереходных глаголов такой переход не происходит, активность все время ограничивается именительным падежом имени существительного. Отсюда следует, что переходные глаголы могут быть пассивными.

Говоря *subject* и *object* в отношении переходных глаголов в сочинениях Аполлония, Присциана и всех грамматических трудов византийского времени, строго говоря, мы впадаем в анахронизм.

Как мы видели у Аполлония, переходные и непереходные глаголы, которые непосредственно связаны с косвенными падежами и с именительным падежом, не называются самостоятельными синтаксическими элементами, как субъекты и объекты, как например, специальные синтаксические термины *suppositum* и *appositum*, в отличие от логического *subjectum* и *praedicatum*, где проявилось творчество позднейших западных грамматиков.

В своем подробном изложении отношений между владеющими и владельческими фразами и соответствующими им полными предложения-

²² Ср.: Uhlig 1910. 46.17-19; *Householder* (tr., 1981). P. 36; 243.3-4; 208: “...hē enérgeia hōs pròs hypokeímenón ti diabibázetai” («...деятельность, как и было, осуществляется через какой-то предмет»).

ми, Присциан прибегает к метаязыку, напоминающему ранее трансформированное использование, хотя в этом случае предложение будет рассматриваться как основное, и номинальная фраза изменится.

Это не просто вопрос о синтаксической классификации глаголов. Во фразе «Приам имел сына, Гектора» отношения между Приамом и «имел» — непереходны, а между «имел» и «сына, Гектора» — переходны²³. Формально различие между глаголами строится только с одним непереходным и принимающих или требующих двух непереходных NP (субстантивных фраз). В латинском языке имя существительное непереходное, как правило, стоит в винительном падеже, но, как показывают примеры, при некоторых глаголах использовались имена в родительном и творительном падежах.

Мы видим у Присциана зародыш понятий в области управления, которые, наряду с переходными и непереходными различиями, были очень влиятельны среди латинских грамматиков более поздних эпох западного Средневековья.

9. ИЗ *PARTITIO*

[*Keil* 1860: 469.14 — 470.3] (*Partitio* II. 44-47)

«Conticvere omnes intentique ora tenebant».

Scande versum. Conticu ere om nes in tenti que ora te nebant. Dic caesuras. Semiquinaria, conticuere omnes. Quot habet figuras? Decem. Quare? Quia habet duos dactylos et tres spondeos. Tracta pedes. Conticuere omnes et cetera. Quot partes orationis habet? Sex. Quot nomina? Duo. Quae? Omnes ora. Quot verba? Duo, conticuere tenebant. Quid aliud habet? Participium, intenti, et coniunctionem, que. Tracta singulas partes.

Conticuere quae pars orationis est? Verbum. Quale? Perfectum. Quo modo dictum? Indicativo, coniugationis secundae. Cur secundae? Quia in praesenti tempore secunda persona in es productam desinit, conticeo contices, quamvis a prima quoque persona hoc manifestum est in hac coniugation. Omnia enim verba in eo desinentia secundae sunt coniugationis exceptis paucis primae coniugationis, quae fere sunt haec,

---

²³ Ср.: *Keil* 1859: 213.10.

beo beas, creo creas, screo screas, meo meas, nauseo nauseas, calceo calceas, quod alii calico, enucleo enucleas; et quartae, eo is, queo quis, et quae ex his componuntur. Cuius est significationis? Activae. Dic passivum. Conticeor. Cuius est numeri? Pluralis. Cuius figurae? Compositae. Ex quibus? Ex integro et corrupto, nam con praepositio est integra, quamvis separata in appositione non potest inveniri, sed semper in compositione; ticuere autem corruptum est, quia a, quod habuit integrum, mutavit in i, ticuere pro tacuere. Cuius est personae? Tertiae pluralis, quae tam in re quam in runt in hoc tempore finitur. Cuius est temporis? Praeteriti perfecti. Dic primas eius personas in omni tempore per singulos modos. Indicativo conticeo conticebam conticui conticebo.

«Они все замолчали и, стремясь сохранить рты, закрыли их».

Посмотрите строку: *Conticu ero om nes in tentique or ate nebant*.

Дайте цезуры. Одна цезура — после двух с половиной стоп: *conticuere omnes*. Сколько различных форм может иметь такая строка? Десять. Почему? Потому что она имеет два дактиля и три спондея. Покажите стопы. *Conticu ere om nes* и так далее. Сколько частей слов здесь имеется? Шесть. Сколько имен? Два. Каковы же имена? *Omnes* («все») и *ora* («уста»). Сколько глаголов? Два, *conticuere* («они замолчали») и *tenebant* («закрыли»). Что еще содержит строка? Причастие *intenti* («стремясь») и союз *-que* («и»). Объясните каждое отдельное слово.

Что за часть речи *conticuere*? Глагол. Какого времени? Настоящего. Какое наклонение? Изъявительное, второе спряжение. Почему второе спряжение? Потому что в настоящем времени второе лицо (единственного числа) оканчивается на *-es* [с долгим гласным]: *conticeo, contices*. Но в этом спряжении также есть форма из первого лица (единственного числа); все глаголы, заканчивающиеся на *-eo*, относятся ко второму спряжению, исключая те немногие, что принадлежат к первому: для практических целей они таковы: *beo, beas* («благословлять»), *creo, creas* («созидать»), *screo, screas* («кашлять, запинаться»), *meo, meas* («идти»), *nauseo, nauseas* («болеть»), *laqueo, laqueas* («запутывать»), *calceo, calceas* (для некоторых случаев *calico*) («обуваться»), *enucleo, enucleas* («обнажать»), и к четвертому спряжению: *eo, is* («идти»), *queo, quis* («мочь»), а также глаголы, связанные с ними.

Каков его структурный залог? Активный. Сделайте его пассивным. *Conticeor* — «молчание хранится свыше меня». Каково его число? Множественное. Какова его структура? Составная. Составленная из чего? Из целого слова и неполного слова. С приставкой *con-* («вместе, с») слово полно, но этот префикс не может появиться сам по себе в словообразовании, но всегда употребляется в сложном слове. Однако *-ticuere* неполно, потому что *a*, которое как свободная форма изменяется на *i*, превращаясь в *-ticuere* из *tacuere*. Каково его лицо? Третье лицо, множественное число, которое в этом времени оканчивается на *-re*, а также на *-runt*. Что это за время? Прошедшее законченное.

Образуйте первое лицо единственного числа в каждом наклонении. В индикативе: *conticeo* («я замолкаю»), *conticebam* («я сохранял тишину»), *contiqui* («я замолчал»), *conticueram* («я умолк»), *conticebo* («я замолчу»).

Далее *Partitio* продолжает в том же духе, чтобы закончить разбор форм, связанных с *conticue*, а затем разбирает предложения в подобной манере с каждым последующим словом. Еще два коротких отрывка могут быть рассмотрены здесь в данном контексте:

10. О СЛОВЕ «OMNES»

[*Keil* 1859: 472.11-18] (*Partitio* II. 58-59)

Omnes quae pars orationis est? Nomen. Quale? Appellativum. Cuius est speciei? Numeralis. Omnia autem numerorum significative appellativa sunt, quamvis sint quaedam cognomina propria, quae vocem quidem habent numeralium, non tamen etiam significationem, ut Quintus Catulus, Dicimus Brutus. Potest habere comparisonem hoc nomen? Non. Quare? Quia nullum nomen numerum significans comparisonem potest habere, cum unus quisque numerus in se constat nec augeri aut minui in sua qualitate potest, except prior, quod de duobus ordinem significant.

Что за часть речи *omnes*? Имя. Какое? Нарисательное. Какого класса? Число. Все имена, обозначающие число, распространены, хотя некоторые из них есть также имена собственные или названия, имеющие формы, но не смысл, выраженный цифрами, как *Quintus Catulus* (*quintus* «пять») или *Decimus Brutus* (*decimus* «десять»). Могут ли эти имена иметь сравнительную форму? Нет. Почему? Потому что имя, означающее количество, не может иметь сравнение; каждое отдельное число является постоянным в своем значении и в своей собственной природе, и не может быть ни увеличено, ни уменьшено. Исключение — *prior*, что означает первый по порядку из двух [объектов].

10а. О СЛОВЕ «ORA»

[Keil 1860: 474.3-9] (*Partitio* II. 66)

Ora quae pars orationis est? Nomen appellativum neutrum plural simplex, casus in hoc loco accusative, idem tamen semper in neutris nominibus et nominativus et accusativus et vocativus. Dic singular. Os oris, nam si correpte os dicas, aliud significat, et ossis dicis genitivum. Fac diminutivum. Oscillum, osculum et ex hoc osculor oscularis, ostium quoque inde derivatur, ex quo ostiarius et ostiatum, oro quoque verbum ab ore est et oraculum.

Что за часть речи *ora*? Имя [существительное]. Нарисательное, среднего рода, множественного числа и несоставное; его место в этом контексте — винительный падеж. Именительный, винительный, звательный падежи всегда находятся в той же форме среднего рода. Образует единственное число. *Os* «устье», *oris* (родительный падеж). Если вы сократите *o*, то слово будет иметь различное значение, *os* «кость», и вы образуете от него генитив *ossis*. Образует уменьшительные формы от *os*. *Oscillum* («небольшая полость»), *osculum* («поцелуй») и от этого *osculor*, *oscularis* «целовать (глагол)». *Ostium* («дверь») также производное от него, из которого мы получаем *ostiarius* («привратник») и *ostiatim* («от двери к двери»). От *os* происходит слово *oro* («молить») и имя [существительное] *oraculum* («оракул»).

Эти отрывки взяты из второго из двенадцати *Partitiones* Присциана. Каждый из них включает в себя анализ первых строк каждой из двенадцати книг Энеиды Вергилия. *Partitiones*, по-гречески *merismoi* или *epimerismoi*, сыграли важную роль в языковом образовании и литературе. Они пользовались особым вниманием в византийские времена²⁴.

В сущности, это были обширные перечни линий библейских текстов из строк, выбранных тогда же и позже из литературных произведений, библейских текстов, иногда, как здесь, частично в виде вопросов и ответов, и ясно предназначенных для механического обучения и зубрежки. В то время они не имели указателей, предусмотренных в современных школьных текстах античных авторов, но они шли значительно дальше, берясь, как это видно из отрывков, приведенных здесь, за возможность повторения общей грамматической информации, изложенной в сыром виде. Великая роль для современников таких учебных ресурсов заключается в редкости тогдашней книги для школы и для других целей.

Хотя, в конечном счете, *Institutiones* Присциана избегли забвения и сохранились в нескольких сотнях рукописей (а это показатель их авторитета и репутации), мы должны помнить, что каждая копия каждой книги допечатной эпохи была исключительным продуктом индивидуального переписчика. Количество студентов, собиравшихся послушать чтение вслух учителя, должно было быть невероятно огромным, чтобы окупить стоимость книги (английское слово *lesson* есть, конечно, дериват от латинского *lectio* «чтение»). В те времена разрабатывались специальные приемы для запоминания текста, «обучения сердцем», такие, как стихосложения (как у Александра Вилла-Деи в *Doctrinale*), и разделение знания на краткие выразительные отрывки, естественно, немного помогало запоминающим.

Хотя в нескольких общественных и частных библиотеках содержалось много тысяч книг, мы должны предположить, что большинство лучших тогдашних библиотек можно сравнить с эталонной коллекцией в хорошей университетской библиотеке сегодня; и количество книг, которыми обладало индивидуально большинство студентов, должно было быть минимальным по современным стандартам.

В метрическом отделе *figurae* («формы») (греч. *schemata*) давались возможные варианты перестановок, которые могли иметь строки. Со спондеем или его трохеическим эквивалентом была обязательна как финальная стопа в латинском гекзаметре возможность либо спондеа, либо дактиля, существовавшая и в других пяти стопах, хотя спондеи в пятой стопе реши-

²⁴ Более полно см.: Glück (1967).

тельно «отмечены» и редки. В этой системе комбинации из трех спондеев и двух дактилей или двух спондеев и трех дактилей могут быть метрически расположены десятью различными способами (*figurae*).

В стихе с одним дактилем и четырьмя спондеями в первых пяти стопах может быть пять различных механизмов (как в метрической композиции строк в *Partitio VIII*²⁵, где все пять футов дактилей возможны только в одной последовательности (как в *Partitio X*)²⁶

Conticeo есть форма настоящего времени по сравнению с более общим *conticesco*, в смысле «замолчать», и обе они имеют перфектную форму *conticui*. Возможность пассива в форме *conticeor* поддерживается переходным использованием *conticuit* «хранить молчание о», как в *tantumque nefas mens conscia vatum conticuit* «его разум, зная о прорицателях, молчал о столь великой несправедливости» (Valerius Flaccus *Argonautica* 3.302).

Уже отмечалось, что Присциан, как и Аполлоний²⁷, эффективно выделял три класса слов — активный, пассивный и нейтральный (непереходный).

Только глаголы, способные образовывать пассивную парадигму и участвующие в регулярных пассивных синтаксических конструкциях (т.е. переходные глаголы) считаются активными. Другие глаголы — на *-o*, хотя имеют ту же самую морфологию как активные переходные глаголы, классифицируются как нейтральные²⁸.

В своих основных дидактических функциях *Partitio* выходит за рамки простого анализа составляющих слов самих по себе, как мы видим в комментариях к *conticuere*. То же самое расширение сводной информации видно также в коротких отрывках из разделов, посвященных *omnes* («все») и *ora* («уста»).

* * *

Краткое грамматическое сочинение Присциана *Institutio de nomine, pronomine et verbo*²⁹, хотя и представляет менее самостоятельный интерес, нежели *Institutiones*, стоит упомянуть в связи с его дидактическим значением и его широким использованием на Западе в течение ряда лет, прежде чем *Institutiones* не стали так широко известны. Оно сводится к краткой морфологической презентации флективных классов слов, с формами причастий, прилагаемыми к словесным разделам.

²⁵ Keil 1859: 496.1-6.

²⁶ Keil 1859: 504.1-6.

²⁷ Uhlig 1910. 395.12 – 396.2; *Householder* (tr., 1981). P. 208.

²⁸ Keil 1855: 373.26-28; 375.9-12.

²⁹ Keil 1859: 443-456.

Имена и глаголы изложены в пяти склонениях четырех спряжениях, находимых и в «Установлениях», так же как те, которые используются с тех пор во всех традиционных грамматиках латинского языка и в современные дни.

Спряжения как подклассы глаголов восходят к греческой грамматике *Techne*; но среди грамматик греческого языка мы не находим номинальные склонения тех видов, который использует Присциан, и которые, по сути, были предвещены Варроном (*De lingua Latina* 10.62)³⁰, и бытовали до финальных веков Византийской империи, когда контакты между Востоком и Западом стали усиливаться³¹.

* * *

Далее мы приводим один отрывок из «Установлений», озаглавленный *De nomine, pronomine et verbo*, его первый пункт, которого будет достаточно, чтобы проиллюстрировать стиль этого краткого учебника.

11. О ПЯТИ СКЛОНЕНИЯХ ИМЕН

[Keil 1859: 443.3-9] (Inst. De nomine, pronomine et verbo 1)

Omnia nomina, quibus Latina utitur eloquentia, quinque declinationibus flectuntur, quae ordinem acceperunt ab ordine vocalium formantium genitivos. Prima igitur declinatio est, cuius genitivus in ae diphthongon desinit, ut hic poeta huius poetae; secunda, cuius in i productam supra dictus finitur casus, ut hic doctus huius doctus. Tertia in is brevem, ut hic pater huius patris; quarta in us productam, ut hic senatus huius senatus; quinta in ei divisas syllabas, ut hic meridies huius meridiem.

Все имена, используемые в латинском языке, склоняются по одному из пяти склонений, которые образованы в порядке гласных, образующих их родительный падеж (единственного числа).

Первое склонение — это такое, в котором форма генитива имеет дифтонг *-ae*, как в *hic poeta* («этот поэт»), *huius poetae* («этого поэта»).

---

³⁰ Taylor (1990). P. 15-27.

³¹ Robins (1993). P. 242-244.

Второе образуется в этом падеже (долгим) *-i*, как в *hic doctus* («этот ученый»), *huius docti* («этого ученого»).

Третье склоняется с кратким *-is*, как в *hic pater* («этот отец»), *huius patris* («этого отца»).

Четвертое склоняется с (долгим) *-us*, как в *hic senatus* («этот сенат»), и *huius senatus* («этого сената»).

Пятое склоняется с двусложным *-ei*, как в *hic meridies* («этот полдень»), и *huius meridiei* («этого полдня»).

Перевод с латинского языка и примечания
Н.Н. БОЛГОВА и А.М. БОЛГОВОЙ

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ (REFERENCES)

- Keil* 1855 — Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII // GL 2 (1855).
Keil 1859 — Prisciani Institutionum grammaticarum libri XIII–XVIII. Prisciani Opera minora // GL 3 (1859).
Keil 1864 — Probi, Donati, Servii qui feruntur de arte grammatica libri ex recensione Henrici Keilii (= GL 4) (1864).
Uhlig 1910 — Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor / Ed. G. Uhlig // GG 2.2 (1910).
Glück (1967). — *Glück M.* Priscians Partitiones und ihrer Stellung in der Spätantike Schule. Hildesheim: Olms, 1967.
Householder (tr., 1981). — The Syntax of Apollonius Dyscolus / Trans. with comm. by Fred W. Householder. Amsterdam, 1981.
Robins (1993). — *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993.
Taylor D.J. (1990). — Dionysius Thrax and Marcus Varro // North American contributions to the history of linguistic. Amsterdam, 1990.